

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 165.0

П.С. Куслий**РЕФЕРЕНЦИЯ ЕДИНИЧНЫХ ТЕРМИНОВ***

Сформулирована теория референции единичных терминов, опирающаяся на базовое различие между жесткими и нежесткими десигнаторами. Ключевые задачи теории референции (взаимозаменяемость терминов в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах, анализ пустых имен, отрицательных экзистенциальных и условных контрфактических предложений) решаются отдельно для каждого из двух типов десигнаторов. Предложен обзор основных существующих теорий референции единичных терминов и показано, что ни одна из них не решает одновременно все из перечисленных задач. Из сформулированного подхода выведен ряд следствий эпистемологического характера.

Ключевые слова: референция, семантика, единичные термины, именование.

Объяснение референциального функционирования единичных терминов (их соотношения с элементами реальности) стало одной из основополагающих задач в становлении логической семантики как научной дисциплины, а вместе с ней и немалой части современной философии языка. Основная сложность в выработке такого объяснения заключалась в необходимости в рамках единой семантической теории объяснить референциальное функционирование единичных терминов для ограниченного набора проблемных случаев.

Данная статья разделена на две части. В первой части я рассмотрю основные попытки в философии языка последних ста лет предложить работающую теорию референции и укажу на те их аспекты, которые представляются мне недостатками. Во второй части я предложу новый подход к анализу референции единичных терминов, который, основываясь на базовом различии жестких и нежестких десигнаторов, преодолевает трудности более ранних теорий и оказывается способным решать установленные проблемные случаи.

1. Основные концепции референции единичных терминов**1.1. Трехчастная семантика: тождества, взаимозаменяемость и пустые имена**

К проблемным ситуациям для теории референции изначально относились те, на которые указал и которые пытался разрешить Г. Фреге [1]. Конкретно ими являлись: познавательное различие между тождествами типа $a=a$ и $a=b$, взаимозаменяемость единичных терминов в экстенциональных и их невзаимозаменяемость в неэкстенциональных контекстах, феномен пустых имен. Для их разрешения Фреге предложил рассматривать любой обозна-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08-03-00239а.

чающий единичный термин как имя, значение которого следует анализировать в терминах смысла и денотата¹. Каждое имя, согласно Фреге, выражает свой смысл и указывает на свой денотат. Познавательное различие между указанными тождествами объяснялось в теории Фреге различием смыслов терминов *a* и *b* с одновременной общностью их денотатов. Взаимозаменяемость терминов у Фреге всегда обеспечивалась за счет общности денотата: в неэкстенциональных контекстах термины перестают быть взаимозаменяемыми потому, что их денотатами становятся смыслы. Пустые имена, которые, казалось бы, не должны обладать денотатом, Фреге рассматривал как указывающие на денотат, представленный пустым множеством (нуль-классом).

В проблемах, на которые указал Фреге, и в разработанной им теории были тематизированы ключевые аспекты референциального функционирования имен. Позднее Р. Карнап обозначил эти аспекты как три принципа: однозначности (каждому имени должен соответствовать один предмет), предметности (любое предложение, в котором используются имена, говорит о том, что является денотатом этих имен), взаимозаменяемости (термины, обозначающие один и тот же объект, взаимозаменяемы без нарушения истинностного значения предложения, в которое они входят). Все последующие исследователи данной проблематики, как сторонники Фреге, так и его критики, отталкивались именно от заданного им проблемного поля и от предложенных им решений.

Семантическая теория Фреге, получившая название «трехчастная семантика», успешно решала только те задачи, которые сформулировал сам Фреге. Однако она оказалась не вполне удовлетворительной перед новыми проблемами, также актуальными при анализе референциального функционирования имен, на которые указали некоторые его последователи. Так, Б. Рассел указал на то, что анализ отрицательных экзистенциальных суждений, содержащих имена (например, «Ромул не существует»), становится крайне проблематичным. Ведь если «Ромул» – это имя, то тогда ему должен соответствовать некоторый объект (денотат), а само предложение, исходя из принципа предметности, должно быть бессмысленным. Или, наоборот, в случае истинности такого предложения (а мы отрицательные экзистенциальные предложения зачастую признаем истинными) приходится признать, что оно должно содержать бессмысленный термин. К тому же известный пример Рассела о кажущемся нарушении закона исключенного третьего при семантической интерпретации предложений «Современный король Франции лыс» и «Современный король Франции не лыс» придал новое звучание проблеме пустых имен. Таким образом, Рассел расширил предложенный Фреге список проблем, которые должна решать семантическая теория.

Р. Карнап [2] критически рассмотрел предложенный Фреге анализ взаимозаменяемости в неэкстенциональных контекстах. Объяснение Фреге о том, что в суждениях о психологических установках² термины, указывающие на один и тот же объект, оказываются невзаимозаменяемыми в силу того, что в

¹ Я здесь намеренно не воспроизвожу оригинальную терминологию Фреге, а пытаюсь лишь перечислить основные аспекты разработанной им теории.

² Иногда также называемых пропозициональными установками.

таких контекстах их денотатами становятся их смыслы, видимо, показалось Карнапу неудовлетворительным. Ведь то, что не каждый термин является взаимозаменяемым в неэкстенциональном контексте с равнообъемным ему термином, еще не означает, что в неэкстенциональных контекстах взаимозаменяемость допустима лишь для тавтологий. Эта идея, похоже, имплицитно присутствовала в работах Фреге, однако в явной форме ее представил именно Карнап в разработанном им методе интенционала и экстенционала (который тоже являлся видом трехчастной семантики)³.

Карнап разделил неэкстенциональные контексты на модальные и психологические. Если у Фреге всякий обозначающий единичный термин имеет смысл и значение, то у Карнапа – это интенционал и экстенционал. В модальных контекстах взаимозаменяемы так называемые L-эквивалентные термины, т.е. имеющие не только общий экстенционал (денотат), но и общий интенционал. Для обеспечения взаимозаменяемости в психологических контекстах отношение L-эквивалентности, согласно Карнапу, должно быть усилено еще и структурной изоморфностью терминов. Таким образом, к проблемам для семантической теории Карнап добавил следующую: такая теория должна не только объяснять, почему термины могут быть невзаимозаменяемы в неэкстенциональных контекстах, но также и за счет чего их взаимозаменяемость в таких контекстах все же может быть обеспечена.

1.2. Теория дескрипций Рассела и ее проблемы

Проблематичность трехчастной семантики Фреге подтолкнула его коллег, в частности Л. Витгенштейна и Б. Рассела, к разработке двухчастной семантики, известный вариант которой представлен расселовской теорией дескрипций. Разработка этой теории была вызвана стремлением Рассела решить уже упомянутую проблему кажущейся противоречивости отрицательных экзистенциальных предложений, проблему анализа предложений, содержащих пустые обозначающие фразы, а также его неудовлетворенностью фрегевским понятием смысла для анализа проблемы взаимозаменяемости.

Рассел утверждает, что имена на самом деле являются сокращенными определенными дескрипциями, т.е. неполными символами (описаниями), обретающими свое значение лишь в контексте предложения. Этот ход дает ему возможность решить все проблемы теории референции иначе, чем это делает Фреге.

По Расселу, обсуждение всех вопросов, связанных со значением единичных терминов, следует осуществлять посредством анализа предложений, в которые они входят. В рамках такого подхода Расселу становится ненужным фрегевское понятие самостоятельного смысла или значения единичного термина. Главное, по Расселу, – это прояснить истинностные условия соответствующего предложения. При таком подходе отрицательные экзистенциальные предложения оказываются не противоречивыми или бессмысленными, а содержащими дескриптивную фразу и подлежащими анализу с учетом этого

³ Несколько позднее теорию Фреге в несколько модифицированном виде также развивал А. Черч. См., например, [3], а также [4].

обстоятельства. Проблема же пустых терминов и статуса смыслов вообще не возникает.

Теория Рассела, таким образом, предлагает не столько решение исходных проблем именования, сколько снимает эти проблемы. Однако с методом Рассела вовсе не обязательно соглашаться, во-первых, потому, что его утверждение о том, что слова могут обладать значением лишь в контексте предложения, может показаться контринтуитивным любому, кто считает, что составляет предложения при помощи слов и что значение первых является производным от значения последних, а во-вторых, потому, что имеется ряд проблем, с которыми сталкивается сама расселовская теория дескрипций, а вместе с ней и подобные ей проекты двухчастной семантики.

Пожалуй, одним из наиболее значимых для общей теории именования критических аргументов против теории дескрипций Рассела является опровержение расселовского тезиса о том, что имена следует рассматривать только как сокращенные определенные дескрипции. Тезис Рассела обрел достаточно широкую популярность, оказав влияние на многих философов середины XX в. (в частности, на таких, как А. Айер, У. Куайн, Д. Дэвидсон). Видимо, первым, кто поставил его под сомнение, был Дж. Серл [5], который указал на специфическую природу имен собственных, заключающуюся в том, что имя собственное, в отличие от других единичных терминов, продолжает указывать на один и тот же денотат, даже если смыслы, связываемые с этим именем, в разных ситуациях меняются. Данная идея получила свое развитие в работах К. Доннелана и С. Крипке.

Доннелан [6] в своей концепции референциального и атрибутивного способов использования определенных дескрипций показал, что даже определенные дескрипции могут использоваться не только как указывающие на объект, описывая его, и как обозначающие его непосредственно, без каких-либо описаний (подобно ярлыкам). Крипке [7] ввел понятие жестких десигнаторов, указывающих на объект в любой контрфактической ситуации безотносительно того или иного его описания и, соответственно, безотносительно тех свойств, которыми он может обладать в той или иной ситуации. К классу жестких десигнаторов Крипке, в первую очередь, относил имена собственные.

При этом особая заслуга Крипке заключается, пожалуй, в том, что он, построив семантику для модальной логики, показал, что для удовлетворительного осознания тех принципов, по которым осуществляется референция имен, мы не можем ограничиться их рассмотрением исключительно как скрытых дескрипций. Наш язык отводит именам и другую функцию, а именно функцию жестких десигнаторов, ярлыков, прикрепляемых к объектам.

Дополнительным критическим аргументом против теории дескрипций Рассела остается уже упомянутое указание Карнапа на то, что в рамках теории референции единичных терминов нам необходимо учитывать и понятие синонимии (L-эквивалентности или общности смысла), обеспечивающей взаимозаменимость в неэкстенциональных контекстах. Отказ от понятия синонимии в пользу расселовского анализа предложений представляется слишком высокой ценой при построении теории референции имен.

Таким образом, теория дескрипций Рассела и связанный с ней вид двухчастной семантики, похоже, так же, как и теория Фреге, оказываются не вполне удовлетворительными в силу неспособности предложить решения для всего набора проблемных ситуаций, стоящих перед теорией референции.

1.3. Некоторые другие теории референции: их достоинства и недостатки

Другие основные теории референции единичных терминов, предложенные в качестве альтернатив трехчастному анализу Фреге и теории дескрипций Рассела, похоже, оказываются неудовлетворительными по сходным основаниям: изначально появляясь в результате критики тех или иных недостатков внутри теорий Фреге или Рассела или же в результате обнаружения каких-либо проблемных ситуаций, не учтенных в рамках этих двух основных теорий, альтернативные теории исправляют установленные недостатки или находят решения новым проблемным ситуациям ценой того, что перестают давать ответы на исходные вопросы критикуемых ими теорий или каким-либо иным способом оказываются неспособными дать ответ на полный спектр вопросов, связанных с референцией единичных терминов.

Так, предложенная Крипке теория имен как жестких десигнаторов и базирующиеся на ней теории прямой референции вместе с разнообразными каузальными теориями удовлетворительно объясняют референцию имен собственных в контрфактических условных высказываниях и некоторых других случаях, однако, похоже, оказываются неспособными предложить непротиворечивое решение исходной проблемы Рассела: проблемы анализа отрицательных экзистенциальных суждений, равно как и проблемы пустых имен, сформулированной еще Фреге.

Разработанная Дж. Серлом и П. Стросоном кластерная теория референции является продолжением расселовского подхода к пониманию имен как сокращенных дескрипций, но, решая некоторые проблемы внутри теории дескрипций, также как и сама эта теория, оказывается неспособной объяснить случаи прямой референции, на существование которых указали Крипке и Доннелан.

Эта же участь, похоже, преследует и метод интенционала и экстенционала Р. Карнапа, который изначально был, видимо, задуман для того, чтобы преодолеть внутренние недостатки или, скорее, неполноту концепции Фреге и объяснить, помимо прочего, феномен взаимозаменимости в неэкстенциональных контекстах. Отдельной проблемой (хотя, видимо, не являющейся непреодолимой) для него становится объяснение природы L-эквивалентности и структурного изоморфизма, как оснований, обеспечивающих взаимозаменимость в неэкстенциональных контекстах.

1.4. Задачи и требования теории референции единичных терминов

Результат, к которому мы пришли, может показаться разочаровывающим: ни классические дескриптивные теории референции, ни современные теории прямой референции, ни двухчастные, ни трехчастные семантические схемы, похоже, не оказываются способными предложить решение всему комплексу имеющихся вопросов, связанных с референцией. Дескриптивные

теории упускают специфику единичных терминов (имен собственных) быть ярлыками объектов, обозначать непосредственно объекты, не ассоциируясь с теми или иными дескрипциями. Теории прямой референции, в свою очередь, упускают то, что имена все же в целом ряде ситуаций способны выступать в качестве сокращенных дескрипций (ср. [8]). Трехчастные семантические теории вводят проблематичную инстанцию смысла, а отказывающиеся от нее двухчастные семантические теории оказываются неспособными объяснять взаимозаменимость в неэкстенциональных контекстах.

Конечно, из сказанного можно сделать вывод о том, что после всех столь значимых попыток, проделанных таким большим количеством исследователей, любой новый проект построения теории референции единичных терминов будет обречен, как минимум, на те же недостатки, которые присущи более ранним проектам, в силу изначальной противоречивости и неподатливости для анализа самого предмета исследования. Однако кажется, что такой вывод не единственный из возможных.

Опыт более ранних теорий референции можно рассмотреть и в позитивном ключе, т.е. как указывающий на ту специфику, которой обладает исследуемая область. Осознание этой специфики может стать основой для осознания того, с чего должно начинаться построение более удовлетворительной теории, объясняющей эту область. На основании предшествующего опыта, его успехов и неудач можно описать, по крайней мере, некоторые из тех структурных аспектов, которыми новая объясняющая теория обладать не должна, а также сформулировать весь комплекс тех задач, которые должна будет решать новая теория референции. Рассмотрим перечисленные аспекты по порядку.

В качестве основополагающей специфики исследуемой области, видимо, следует обозначить способность единичных терминов указывать на объекты как непосредственно (в духе теории жестких десигнаторов Крипке, восходящей к концепции имен Дж.С. Милля), так и опосредованно (в духе фрегевских смыслов, детерминирующих денотат, и определенных дескрипций Рассела). При непосредственном обозначении термином объекта первый является ярлыком последнего. При опосредованном указании мы уже имеем не обозначение конкретного объекта ярлыком, а ситуацию, когда некоторый объект может соответствовать или не соответствовать условиям детерминирующего описания (выполняя их или наоборот). Два данных способа обозначения являются исходными и несводимыми друг к другу. Поэтому будущий анализ референции единичных терминов должен будет исходить именно из этого двойного понимания референции.

Также важным условием удовлетворительности теории должно стать ее соответствие принципам экстенциональности и композициональности.

Наконец, ключевыми проблемами, которые должна решать теория референции единичных терминов, будут следующие: взаимозаменимость в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах (и связанная с ней проблема нетавтологических тождеств), референция пустых единичных терминов, анализ отрицательных экзистенциальных и контрфактических условных предложений.

2. Теория референции единичных терминов

2.1. Два способа обозначения

Поскольку ниже речь пойдет о способах осуществления единичными терминами своей референциальной функции, то для начала я сформулирую определение единичного термина, из которого исхожу:

Единичный термин – термин, который может быть использован для обозначения какого-либо объекта. Df.

Подобно тому как К. Доннелан указал на референциальный и атрибутивный способы употребления определенных дескрипций, я укажу два способа, которыми единичные термины могут осуществлять свою референциальную функцию и, соответственно, обладать *значением*: они могут непосредственно обозначать конкретные объекты, а могут являться их описаниями и тем самым обозначать лишь определенные условия, которые конкретные объекты могут выполнять, а могут и не выполнять. Первый способ я назову референцией *de re*, второй – референцией *de dicto*. Референциальная функция способом *de re* осуществляется *жесткими десигнаторами*, которые являются терминами, напрямую обозначающими конкретные объекты (*денотаты*). Референциальная функция способом *de dicto* осуществляется *нежесткими десигнаторами*, которые являются терминами, обозначающими напрямую не объекты, а условия, которые могут выполнять объекты. Именно такое условие является значением нежесткого десигнатора, и я буду называть его *референтом*.

Схематически описываемые отношения референции можно выразить так:

Единичный термин	Жесткий десигнатор	Нежесткий десигнатор
V	V	V
отношение обозначения	отношение обозначения	отношение обозначения
V	V	V
Значение	Денотат (конкретный объект)	Референт (конкретное задаваемое условие)

Так, например, имя собственное «Вальтер Скотт» – ярлык своего денотата, указывает на него непосредственно и поэтому является жестким десигнатором. Определенная дескрипция «автор *Веверлея*» не является ярлыком конкретного объекта, а описывает некоторое условие (быть автором *Веверлея*) и поэтому обозначает не конкретный объект, а референт (автор *Веверлея*)⁴.

Установив два данных способа референциального функционирования (обозначения), ниже я покажу, как предлагаемая мной теория референции решает набор проблем, упомянутый в первой части статьи.

⁴ Разумеется, в ряде ситуаций «автор *Веверлея*» может использоваться референциально (в терминологии Доннелана) и, следовательно, функционировать как имя собственное, ведь ничто не мешает нам при желании сделать ее ярлыком некоторого предмета. Точно так же и «Вальтер Скотт» при желании можно рассматривать не как имя собственное, а как скрытую дескрипцию. Данная иллюстрация призвана продемонстрировать скорее различие двух установленных типов обозначения на более знакомых примерах, а не обозначить тот или иной термин как необходимо жесткий или нежесткий десигнатор.

2.2. Взаимозаменяемость в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах

Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап и многие другие начинали построение теории референции с объяснения взаимозаменяемости единичных терминов в экстенциональных контекстах. И затем, отталкиваясь от них, как от отправной точки, пытались объяснить их взаимозаменяемость в неэкстенциональных контекстах, внося в исходную теорию соответствующие коррективы. Я считаю, что в построении теории референции взаимозаменяемость только в экстенциональных контекстах не должна являться отправной точкой, и поэтому выбираю в качестве таковой объяснение того, за счет чего термины могут быть взаимозаменяемы⁵ в экстенциональных и одновременно в неэкстенциональных контекстах⁶.

Объяснение взаимозаменяемости в двух видах контекстов я предложу в виде правил и их пояснений по очереди: сначала для жестких десигнаторов, а затем для нежестких.

(П1) Жесткие десигнаторы взаимозаменяемы в экстенциональных и одновременно неэкстенциональных контекстах, если и только если они обладают общим денотатом.

Рассмотрим три предложения:

(1) Цицерон – великий древнеримский оратор.

(2) Необходимо, что Цицерон = Цицерон.

(3) Студент Сидоров считает, что Цицерон – великий древнеримский оратор.

Если «Туллий» является жестким десигнатором и имеет с термином «Цицерон» общий денотат, то эти термины взаимозаменяемы в (1) – (3). Взаимозаменяемость указанных терминов в (1) представляется неproblemатичной, однако случаи (2) и (3), пожалуй, требуют пояснений.

Имея дело со случаями (2) и (3), не следует забывать, что речь идет именно о жестких десигнаторах, указывающих на конкретный предмет. Поэтому говорим мы именно об *этом* предмете и здесь совершенно неважно, как мы его при этом называем. В предложении

(2') Необходимо, что Цицерон = Туллий

речь идет о том же самом, о чем и в (2), а именно о тождестве конкретного объекта самому себе.

Взаимозаменяемость в (3) объясняется сходным образом. Если мы имеем дело с жестким десигнатором «Цицерон», то студент Сидоров имеет психологическую установку по отношению к его *денотату*. А если так, то условия истинности для

⁵ Везде, где в этой статье я говорю о взаимозаменяемости терминов, я имею в виду взаимозаменяемость с сохранением истинностного значения того предложения, в которое они входят и внутри которого происходит эта замена.

⁶ Если учесть, что предложенная мной в 2.1 семантическая схема является двухчастной, то, видимо, используемая мной терминология экстенциональных и интенциональных контекстов оказывается не вполне удачной. Однако я все же буду ее придерживаться, поскольку она является более привычным обозначением соответствующих проблемных ситуаций.

(3') Студент Сидоров считает, что Туллий – великий древнеримский оратор
остаются теми же самыми, что и для (3).

Теперь обратимся к проблеме взаимозаменимости нежестких десигнаторов и соответственно следующему правилу:

(П2) Нежесткие десигнаторы взаимозаменимы в экстенциональных и одновременно неэкстенциональных контекстах, если и только если обладают одним и тем же референтом.

Рассмотрим следующие предложения:

(4) Первый пионер в строю – самый высокий.

(5) Необходимо, что первый пионер в строю = первый пионер в строю.

(6) Товарищ Дынин знает, что первый пионер в строю – самый высокий.

Если единичный термин «первый пионер в строю» обладает общим *референтом* с единичным термином «пионер, возглавляющий строй», то эти термины взаимозаменимы в (4) – (6). Здесь, как и в примерах, рассмотренных выше, пояснения требуются, пожалуй, лишь для случаев (5) и (6).

На первый взгляд может показаться, что термины «первый пионер в строю» и «пионер, возглавляющий строй» все же имеют разные референты, т.е. говорят о разных условиях, налагаемых на объект, или, как сказал бы Фреге, предполагают различные способы индивидуации объекта. И поэтому они не могут быть взаимозаменимы ни в модальных, ни в психологических контекстах. Я считаю, что такое замечание справедливо лишь отчасти. Но для того чтобы проявить, что именно я здесь имею в виду, мне придется несколько задержаться на проблеме синонимии и аналитических высказываний.

Как известно, синонимами называются термины, обладающие общим значением (или, в терминах трехчастной семантики, обладающие не только общим денотатом, но и общим смыслом). В философии логического позитивизма, в частности, в концепциях Р. Карнапа и А. Айера [9], немалое внимание уделялось отличию аналитических высказываний от тавтологий. И те и другие высказывания логические позитивисты считали истинами логики. Однако если логическая истинность тавтологий обеспечивалась за счет их формы, то логическая истинность аналитических суждений становилась возможной лишь в силу общности значения входящих в них терминов. Так, высказывание

(7) Холостяк есть неженатый мужчина

считалось представителями логического позитивизма примером такой аналитической истины. Общие термины, входящие в (7), а также такие термины, как «человек» и «разумное животное» и т.п., Карнап считал L-эквивалентными, т.е. обладающими не только общим экстенсионалом, но и общим интенсиналом и поэтому взаимозаменимыми в модальных контекстах.

В своей известной статье «Две догмы эмпиризма» [10] и, позднее, в книге «Слово и объект» [11] У. Куайн подверг критике проводившееся в логическом позитивизме различие аналитических и синтетических высказываний. Он показал, что утверждавшаяся логическими позитивистами общность значений терминов, составляющих аналитические высказывания, не является

изолированной от эмпирического опыта, как это пытались утверждать Карнап и Айер, а, наоборот, коренится в нашем взаимодействии с ним.

То, что «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают одно и то же, утверждал Куайн, является следствием эмпирического открытия и не может быть дано нам иначе, чем через чувственный опыт. Поэтому суждения, подобные (7), являются синтетическими, а истинами логики могут быть признаны лишь тавтологии. Что же касается понятия синонимии, являющейся, по словам Куайна, частью теории смысла, то оно остается совершенно не проясненным в отличие от понятия равнообъемности как части теории референции (ведь равнообъемность еще не обеспечивает синонимии, ибо «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда», являясь равнообъемными понятиями, все еще не являются синонимами) [12].

Следствия аргумента Куайна применительно к рассматриваемой мной проблеме предложений (5) и (6) усмотреть несложно. Его вердикт однозначен: поскольку предложения, якобы содержащие синонимы, являются синтетическими, то они не могут быть взаимозаменяемы в неэкстенциональных контекстах. Применительно к моим примерам, по Куайну, (5) будет истинно, однако

(5') Необходимо, что первый пионер в строю = пионер, возглавляющий строй
будет ложным.

Несмотря на широкую популярность концепции Куайна, она, как мне кажется, является неверной, поскольку в ней невозможность «естественного» происхождения синонимов, т.е. терминов, не являющихся идентичными (тавтологичными), но при этом обладающих общим смыслом, рассматривается как доказательство невозможности синонимов вообще. Однако, по факту, мы знаем, что синонимы существуют, мы пользуемся ими, заменяя их друг другом и в неэкстенциональных контекстах без изменения истинностного значения соответствующего предложения. Если Куайн прав относительно невозможности «естественного» происхождения синонимов, то объяснить их существование можно лишь их «искусственным» происхождением. И здесь я имею в виду постулированную синонимию⁷.

Действительно, ничто не мешает нам ввести в русский язык термин «бакалавр» как значащий то же самое, что и термин «холостяк». Для этого нам нужно будет лишь сказать, что бакалавром мы будем называть любого холостяка. В таком случае вводимая нами синонимия будет постулированная, а термины «бакалавр» и «холостяк» станут взаимозаменяемыми во всех контекстах. Сходным образом дело обстоит не только с неологизмами, но и с уже существующими терминами: если мы постулируем их как синонимы, то они становятся взаимозаменяемыми как в экстенциональных, так и в неэкстенциональных контекстах. На самом деле мы проводим подобное постулирование довольно часто. Так, даже Конституция Российской Федерации начинается с подобного постулирования синонимии. Статья 1 (часть 2) гласит: «Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны».

⁷ Похоже, Карнап указывал именно на это, когда возражал против критики Куайна в своей статье «Постулаты значений».

Именно эти случаи я и имею в виду, когда формулирую (П2). С учетом критики Куайна, с одной стороны, и ее рассмотренной ограниченности – с другой, обладать общим референтом, как мне кажется, нежесткие десигнаторы могут, если и только если они постулированы как обладающие таковым. Однако «искусственность» происхождения общности референта для нас не так важна: если эта общность есть, то взаимозаменяемость допустима.

Таким образом, возвращаясь к (5) и (6), если относительно терминов «первый пионер в строю» и «пионер, возглавляющий строй» выполняется условие общности референта, то при переходе от (5) к (5') истинностное значение сохраняется. То же самое можно сказать и относительно перехода от (6) к

(6') Товарищ Дынин знает, что пионер, возглавляющий строй, самый высокий.

Если рассматриваемые единичные термины используются как нежесткие десигнаторы и их референт постулирован как один и тот же, то условия, сформулированные в «первый пионер в строю» и «пионер, возглавляющий строй» (т.е. способ индивидуации объекта), тоже становятся одними и теми же, и, следовательно, термины взаимозаменяемы во всех контекстах.

В статье «О смысле и значении» Г. Фреге говорил лишь о причине, почему термины с общим денотатом оказываются невзаимозаменяемыми в неэкстенциональных контекстах (в терминологии Фреге потому, что их смысл становится их значением и, следовательно, значение становится разным). В «Значении и необходимости» Р. Карнап, развивая эту мысль Фреге, указал на общность интенционала как фактор, делающий такую взаимозаменяемость допустимой. Однако у Карнапа она касалась лишь модальных контекстов. Для взаимозаменяемости в контекстах психологических установок Карнап считал, что нам требуется еще более сильное условие, а именно интенциональная изоморфность L-эквивалентных терминов [2, §13–15].

Я считаю анализ Карнапа не до конца верным, поскольку требование интенциональной изоморфности как условия взаимозаменяемости синонимов в контекстах психологических установок мне кажется излишним. Если при замене одного нежесткого десигнатора на другой не происходит изменения способа индивидуации (детерминации) объекта (а его по определению не происходит в случае с заменой L-эквивалентных терминов), то тогда в предложениях, подобных (6) и (6'), речь идет об одном и том же.

Сказанное имеет, как мне кажется, и еще одно следствие эпистемологического характера. Для перехода от (3) к (3') или от (6) к (6') нам, похоже, вовсе не нужно учитывать то обстоятельство, признает студент Сидоров (3') истинным или нет, и признает товарищ Дынин (6') истинным или нет.

Для обеспечения корректного перехода от (3) к (3') и от (6) к (6') нам, как уже было сказано, нужно лишь, чтобы соответствующие жесткие десигнаторы имели общий денотат, а нежесткие – общий референт. Подобная замена была бы невозможна, только если бы мы имели дело с предложениями, содержащими прямую речь. Так, в

(3'') Студент Сидоров считает: «Цицерон – великий древнеримский оратор»

и в

(6'') Товарищ Дынин знает: «Первый пионер в строю – самый высокий»

переходы указанного типа совершить нельзя. В них речь идет о буквальном содержании предложений, выражающих мнение Сидорова и знание Дынина. Мы же имеем дело с контекстами психологических установок, которые, в отличие от прямой речи, вовсе не обязательно передавать дословно. Поэтому вопреки позиции, которой, похоже, придерживались Фреге, Карнап и многие другие, мы вынуждены констатировать, что для переходов, подобных (3) – (3') и (6) – (6'), то обстоятельство, осознают сами обладатели соответствующих психологических установок возможность указанных замен или нет, согласятся они с предложениями типа (3') и (6') или нет, оказывается совершенно нерелевантным.

2.3. Взаимозаменяемость в экстенциональных контекстах

Если сказанное выше верно, то оно объясняет те случаи, когда единичные термины являются взаимозаменяемыми одновременно в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах. Однако очевидно, что бывают случаи, когда термины взаимозаменяемы только в экстенциональных контекстах. После их рассмотрения можно будет предложить ответ на исходный вопрос Г. Фреге относительно информативности нетавтологических тождеств.

В экстенциональных контекстах, как было показано выше, взаимозаменяемыми являются жесткие десигнаторы с общим денотатом и нежесткие десигнаторы с общим референтом. Однако, помимо них, в экстенциональных контекстах взаимозаменяемы также нежесткие десигнаторы с разными референтами в том случае, если под эти референты подпадает один и тот же объект. Данная взаимозаменяемость уже является не необходимой, а случайной, и поэтому правило взаимозамены нежестких десигнаторов с разными референтами должно содержать поправку на соответствующий возможный мир. Сформулировать его можно следующим образом:

(ПЗ) Нежесткие десигнаторы a и b , обладающие разными референтами, взаимозаменяемы в экстенциональном контексте относительно возможного мира w , если и только если в w под референт a и референт b подпадает один и тот же объект o .

Также в экстенциональных контекстах могут быть взаимозаменяемыми единичные термины, являющиеся жесткими десигнаторами, и единичные термины, являющиеся нежесткими десигнаторами. Правило их взаимозаменяемости также относительно конкретного возможного мира:

(П4) Являющийся жестким десигнатором единичный термин a и являющийся нежестким десигнатором единичный термин b взаимозаменяемы в экстенциональном контексте относительно возможного мира w , если и только если в w денотатом a является, а под референт b подпадает один и тот же объект o .

Правила (ПЗ) и (П4) следует считать своего рода исключениями из общей установленной закономерности, согласно которой взаимозаменяемы лишь те термины, которые имеют одно и то же значение. Поэтому в неэкстенциональных контекстах два нежестких десигнатора с разными подпадающими под них объектами или нежесткий десигнатор и жесткий десигнатор оказываются невзаимозаменяемыми.

Как было показано выше, взаимозаменяемость терминов в экстенциональных контекстах может осуществляться в силу разных причин, поэтому ключ к ней лежит в тех правилах, по которым термины оказываются взаимозаменяемыми в неэкстенциональных контекстах, а не наоборот. Именно поэтому я считаю, что Фреге и его последователи ошибались в том, что рассматривали взаимозаменяемость в экстенциональных контекстах как отправную точку семантического исследования и, отталкиваясь от нее, пытались объяснить референциальное функционирование терминов во всех остальных контекстах. Именно поэтому я начал свое исследование с проблемы взаимозаменяемости единичных терминов в экстенциональных и одновременно неэкстенциональных контекстах.

2.4. Информативность нетавтологических тождеств

Правила (П1) – (П4) дают возможность ответить на вопрос Фреге о причине информативности тождеств типа $a=b$. И первым, что следует отметить относительно тождеств указанного типа, – это то, что не все они оказываются информативными. Тождества терминов a и b могут быть неинформативными (для того, кто является компетентным в соответствующем языке), если эти термины являются нежесткими десигнаторами с общим референтом (т.е. синонимами). Исходя из этого результата, общее правило для информативных тождеств может быть сформулировано следующим образом:

(П5) Информативными являются все те нетавтологичные тождества, в которых не выражается общность референта входящих в них терминов.

К таким тождествам относятся те, которые состоят из (i) двух жестких десигнаторов с общим денотатом, (ii) жесткого и нежесткого десигнатора таких, что объект o является денотатом первого и подпадает под референт второго в нашем возможном мире, (iii) двух нежестких десигнаторов таких, что их референты различны, но существует объект o , который подпадает под референт каждого из них в нашем возможном мире. Примером (i) будет тождество «Цицерон = Туллий», примером (ii) – тождество «Вальтер Скотт = автор *Веверлея*», примером (iii) – тождество «ученик Платона = учитель Александра».

Все эти тождества имеют познавательную значимость: знакомясь с ними, мы познаем мир. Иными словами, знание о том, какие именно тождества жестких десигнаторов являются истинными во всех возможных мирах, а также о том, каким тождествам, в которых присутствуют нежесткие десигнаторы, случилось в нашем возможном мире быть истинными, демонстрирует знакомство с тем, каким является сам этот мир.

Синонимические тождества (тождества терминов с общим референтом), такие, например, как «этот холостяк = этот неженатый мужчина», могут быть познавательными только для того, кто является некомпетентным в языке (например, для изучающего язык иностранца). Узнавая, что a и b являются синонимами, он узнает, как говорили логические позитивисты, кое-что об изучаемом языке. Однако данная познавательная ценность для наших целей, похоже, оказывается нерелевантной, поскольку, разрабатывая теорию рефе-

ренции, мы интересуемся соотношением языка и реальности и исходим из компетентности в языке его пользователя.

На основании сказанного можно констатировать также и то, что существуют термины, взаимозаменяемые во всех контекстах, тождества которых являются информативными (жесткие десигнаторы с общим денотатом). Однако при этом существуют и термины, взаимозаменяемые во всех контекстах, тождества которых не являются информативными (нежесткие десигнаторы с общим референтом).

Данный результат лишний раз подчеркивает важность различения видов необходимости, в частности, логической и онтологической необходимости. Существует специальная литература, в которой понятие необходимости анализируется и более разносторонне. Однако вопросы, связанные с видами необходимости, также лежат за пределами нашего исследования, поскольку взаимозаменяемость в неэкстенциональных контекстах требует от нас лишь того, чтобы термины были необходимо тождественными. То, с каким именно видом необходимости мы при этом будем иметь дело, беспокоит нас гораздо меньше.

2.5. *Остальные проблемы теории референции*

Проведение различия между референциальным функционированием жестких и нежестких десигнаторов и объяснение их взаимозаменяемости в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах позволяет дать ответы и на оставшиеся из перечисленных выше вопросов теории референции, а именно (повторю): референция пустых единичных терминов, анализ отрицательных экзистенциальных и условных контрфактических предложений.

Пустыми (т.е. не обозначающими конкретный объект) единичными терминами могут быть только нежесткие десигнаторы. Их значением является референт, под который вполне могут не подпадать никакие объекты возможного мира *w*. Жесткие десигнаторы не могут быть пустыми, поскольку наличие объекта (который этот десигнатор может обозначать и который может стать его денотатом) является необходимым *предварительным* условием для того, чтобы термин мог стать жестким десигнатором.

По этой же самой причине отрицательные экзистенциальные предложения не могут быть содержащими жесткий десигнатор и одновременно осмысленными или корректно сформулированными. Грамматически отрицательные экзистенциальные предложения, содержащие жесткие десигнаторы и содержащие нежесткие десигнаторы, очень схожи: и те и другие (в нашем случае) являются содержащими единичные термины. Для целей грамматики этого достаточно. Но не для целей теории референции. То, что жесткие десигнаторы не могут осмысленно использоваться в отрицательных экзистенциальных предложениях, вопреки тому, что считал Рассел, еще не означает, что жестких десигнаторов не существует. Исходя из результатов проведенного выше исследования, можно сказать, что отрицательные экзистенциальные предложения являются осмысленными, только если они содержат нежесткий десигнатор. Такие предложения могут быть истинными в случае, если под обозначаемый ими референт не подпадает ни один объект. Вопрос же об

истинностном статусе отрицательных экзистенциальных предложений, содержащих единичный термин, являющийся жестким десигнатором, может решаться по-разному, в зависимости от того, как в соответствующей семантической теории анализируются неистинные предложения: если проводится различие между бессмысленными и осмысленными, но, например, не соответствующими реальности предложениями, то указанные предложения будут принимать такую семантическую интерпретацию, как, например, «неопределенно». Если же в соответствующей теории все неистинные предложения (независимо от их осмысленности или неосмысленности) считаются ложными, то такие предложения будут принимать интерпретацию «ложно». Возможен также и подход, при котором такое сочетание слов вообще не будет считаться предложением.

Условные контрфактические предложения являются, наоборот, контекстами специфического использования жестких десигнаторов. Согласно тому определению, которое дает жестким десигнаторам С. Крипке, они обозначают одни и те же объекты во всех возможных мирах. Мое определение жестких десигнаторов, изначально несколько отличающееся от определения Крипке, в случае условных контрфактических предложений отражает ту роль, которую Крипке придавал жестким десигнаторам. Поскольку жесткие десигнаторы, согласно моему определению, напрямую обозначают объект, именно они и только они могут использоваться в контекстах указанных предложений.

2.6. Соблюдение принципов экстенциональности и композициональности

Соблюдение теорией референции единичных терминов принципов экстенциональности и композициональности со времен Фреге считается одним из основополагающих ее требований. Принцип экстенциональности гласит, что термины с общим значением должны быть взаимозаменяемыми. Принцип композициональности гласит, что значение составного термина является производным от значений его элементов. Данные принципы считаются интуитивно правильными для всех теорий, рассматривающих единичные термины в качестве языковых единиц, обладающих значением⁸.

Предложенная мною выше теория референции удовлетворяет обоим принципам. Как было показано, любой жесткий десигнатор может быть заменен на другой жесткий десигнатор с таким же денотатом, а любой нежесткий десигнатор может быть заменен на другой нежесткий с тем же самым референтом.

Соблюдение принципа экстенциональности предлагаемой теорией обеспечивает и соблюдение ею принципа композициональности. Составные единичные термины, образованные в результате сочетания единичных терминов с функциональными символами (например, единичный термин «столица России», образованный вследствие сочетания единичного термина «Россия»

⁸ Теория дескрипций Рассела избегала данного требования, поскольку дескрипции, по определению, считались неполными символами, приобретающими значение лишь в контексте предложения.

и функционального символа «столица ...»), в рамках предлагаемого подхода обретают свое значение, исходя из значений своих элементов.

Похоже, ничто не мешает и значению предложений быть производными от значений входящих в них терминов. Применительно к предложениям я бы хотел ограничиться здесь именно таким непретенциозным замечанием, поскольку более подробная демонстрация того, как может осуществляться принцип композициональности применительно к предложениям, потребовала бы рассмотрения вопроса о значении предложений, что лежит за рамками тех целей, которые я ставил в данной статье.

3. Заключение

В данной статье мною были рассмотрены основные из существующих теорий референции единичных терминов, и было показано, что ни одна из них не справляется с полным набором проблем, стоящих перед такой теорией. Мною была предложена новая теория, являющаяся двухуровневой и основывающаяся на базовом различии двух способов обозначения, присущих единичным терминам: обозначения непосредственно объекта и обозначения условия, под которое могут подпадать объекты. Единичные термины, обозначающие объекты, я назвал жесткими десигнаторами, единичные термины, обозначающие условия, я назвал нежесткими десигнаторами. Их значения – денотатами и референтами соответственно. Проблемы теории референции (взаимозаменимость терминов в экстенциональных и неэкстенциональных контекстах, анализ пустых имен, отрицательных экзистенциальных и условных контрфактических предложений) решались мной отдельно для жестких и нежестких десигнаторов. Жесткие, равно как и нежесткие, десигнаторы оказались взаимозаменимыми как в экстенциональных, так и в неэкстенциональных контекстах в том случае, если обладали общим значением. В экстенциональных контекстах взаимозаменимость также оказалась допустимой для нежестких десигнаторов с разными референтами, если под них подпадал один и тот же объект, и для жестких десигнаторов и нежестких десигнаторов, если денотат первого оказывался объектом, подпадающим под референт второго.

Было также установлено, что осознание обладателем некоторой психологической установки того, что термины *a* и *b* являются взаимозаменимыми, не является обязательным условием допустимости взаимозаменимости этих терминов в контексте соответствующей психологической установки. Это позволило прояснить проблему информативности нетавтологических тождеств.

Наконец, было установлено, что проблема пустых имен и отрицательных экзистенциальных предложений относится к сфере употребления нежестких десигнаторов, а проблема референции единичных терминов в условных контрфактических предложениях – к сфере употребления жестких десигнаторов.

Литература

1. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. М., 2000.
2. Карнат Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Биробиджан, 2000.

3. Church A. A Formulation of the Logic of Sense and Denotation // Structure, Method and Meaning. Essays in Honor of Henry M. Sheffer. N. Y., 1951. P. 3–24.
4. Church A. Intensional Isomorphism and Identity of Belief // Philosophical Studies. 1954. 5. P. 65–73.
5. Searle J. Proper names // Mind. 1958. Vol. 67, № 266. P. 166–173.
6. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
7. Kripke S.A. Naming and Necessity // Davidson D. (ed.) Semantics of Natural Language. Dordrecht, 1972. P. 253–355.
8. Burge T. Reference and Proper Names // Journal of Philosophy. 1973. 70. P. 425–439.
9. Ayer A.J. Language, Truth and Logic. N. Y., 1952.
10. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск, 2003. С. 24–49.
11. Куайн У. Слово и объект. М., 2000.
12. Куайн У. Заметки по теории референции // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск, 2003. С. 124–132.